

АРХИТЕКТОНИКА ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется структура философско-исторического знания, выделяются такие «уровни» философско-исторических концепций, как модель развития, объяснительная теория общества, философская методология истории («исторический подход»), социальная типология и схема истории. На примере анализа концепций П. Сорокина, И. Валлерстайна, М. Салинза, Э. Сервиса, Х. Классена и других авторов обосновывается относительная автономия выделенных «уровней» в системе философско-исторических представлений.

Ключевые слова: философия истории, модель развития, модель истории, объяснительная теория общества, социальная типология, схема истории, социальные изменения, социальный эволюционизм, мир-системный подход, социокультурный подход.

Abstract. The article analyzes the structure of Philosophy of History knowledge, points out such "levels" of Philosophy of History concepts like development model, an explanatory theory of society, the philosophical methodology of history ("historical approach"), social typology and the scheme of history. An analysis of concepts of P. Sorokin, I. Wallerstein, M. Sahlins, E. Service, H. Claessen and other authors proves the relative autonomy of the selected "levels" the Philosophy of History views.

Keywords: Philosophy of History, Development Model, Model history, explanatory theory of society, social typology, scheme of history, social change, social evolutionism, world-system approach, sociocultural approach.

Наши философские представления об истории находят выражение в конкретных философско-исторических концепциях, обладающих известной целостностью и внутренней связностью. Однако это не означает, что они однородны по своей структуре. Напротив, любая историософская концепция имеет сложную иерархическую структуру, где каждый уровень обладает определенной самостоятельностью.

Конечно, эти уровни должны быть согласованы, если мы хотим, чтобы наши историософские представления имели целостный и непротиворечивый характер. Но из этого не следует, что определенному компоненту некоторого уровня наших представлений об истории должен соответствовать какой-то определенный и только этот компонент другого уровня. В частности, диалектическая модель истории может сочетаться как с идеалистическим (Гегель), так и материалистическим (К. Маркс) пониманием общественного развития, а, скажем, синергетика истории может конкретизироваться через миросистемный подход (И. Валлерстайн) или через историческую семиотику (Ю. М. Лотман).

Целью настоящей работы как раз и является выделение «уровней» философско-исторического знания, обоснование их относительной автономии друг от друга, что, в контексте сказанного, может представлять самостоятельный интерес.

Заявленную цель предполагается достичь через решения ряда конкретных задач. Во-первых, необходимо выявить и кратко охарактеризовать структурные компоненты философско-исторического знания. Во-вторых, предполагается проиллюстрировать наличие выделенных структурных компонентов на примере конкретной философско-исторической концепции, в данном случае концепции П. Сорокина. Далее планируется рассмотреть несколько более частных вопросов. Предполагается, в-третьих, показать, что в рамках одной концепции могут использоваться элементы различных моделей развития, в частности, на примере учения И. Валлерстайна, где циклические представления органично вписались в синергетическую модель развития. Также предполагается, в четвертых, показать относительную автономию таких структурных компонентов философско-исторического знания, как социальная типология и схема истории на примере концепции М. Салинза и Э. Сервиса.

1. Уровни философско-исторического знания

В философско-исторических представлениях можно выделить два уровня, каждый из которых имеет ряд подуровней: модель истории, являющаяся синтезом модели развития и объяснительной теории общества, и «исторический подход», включающий в себя основания методологии истории, типологию обществ и схему истории. При линейном расположении подуровней получаем следующие составляющие философско-исторического знания: 1) модель развития; 2) объяснительная теория общества; 3) основания методологии истории («исторического подхода»); 4) типология социокультурных единиц; 5) схема истории (периодизация).

Предельно общим уровнем исторических представлений является **модель истории**, которая является результатом синтеза модели развития и объяснительной теории общества. Она включает в себя предельно общие логико-гносеологические и онтологические представления об историческом универсуме, о процессе эволюции общества.

1. Поскольку история – это *изменение, развитие* общества, то в основе исторических представлений явно или неявно лежит та или иная **модель развития**. В ней раскрывается закономерность, структура, а иногда и направленность развития. В философии истории использовались различные модели подобного рода: диалектика, синергетика, эволюционизм (органицизм), различные варианты циклической теории и т.д. В большинстве случаев модель развития задается явно и осознается автором философско-исторической концепции. Но иногда она полагается неявно, и ее сложно идентифицировать. Кроме того, возможны различные комбинации моделей развития. Так, например, в концепции И. Валлерстайна мы встречаем нетривиальный синтез синергетики и циклических представлений.

2. Поскольку история представляет собой развитие именно *общества*, то модель развития должна быть дополнена **объяснительной теорией общества**, оттеняющей специфику развития именно социокультурной реальности. Специфика человека и общества в философии истории понималась по-разному. Наиболее распространенными являются трудовая (деятельностная), аксиологическая и семиотическая концепции. Пример первой – теория К. Маркса. Ценностная концепция культуры поддерживалась неокантианцами, хотя и не дала ярких образцов историософии. Семиотическая теория культуры в своих различных вариантах разрабатывалась П. Сорокиным и Ю. М. Лотманом.

Объяснительная теория часто не только вскрывает специфику общества, но и кое-что сообщает о внутренней структуре культуры. Так, марксистская теория выделяет базис общества, в роли которого выступает материальное производство, и надстройку. Базис в свою очередь включает в себя производственные отношения и производительные силы. Во второй половине XX в. широкое распространение получила концепция, предполагающая выделение в культуре двух подсистем – технико-технологической и собственно социальной («гуманитарной»). Этой теорией пользовались некоторые неэволюционисты (например, Л. Уайт) и представители концепций постиндустриального и информационного общества (Д. Белл, О. Тоффлер и др.). По сути, эту же концепцию разделяет А. П. Назаретян в рамках своей гипотезы технико-гуманитарного баланса [1, с. 110–122].

На уровень ниже расположена **философская методология истории**, которая иногда выражается посредством термина «исторический подход». Мы говорим о формационном, локально-цивилизационном, миросистемном и т.д. подходах. Однако «исторический подход» включает в себя три относительно автономных уровня: основания философской методологии истории, историческая типология и схема истории.

3. **Основания методологии истории** задают критерии типологии социокультурных единиц, таких как, например, род, племя, класс, государство и т.д., а также структуру этих социокультурных типов. В указанном развороте удобнее всего вспомнить формационный подход К. Маркса ввиду его широкой известности. Как известно, К. Маркс выразил разграничение различных типов общества с помощью термина «формация». Общество, по его представлениям, может анализироваться сквозь призму уровня развития производительных сил, характера производственных отношений (т.е. способа производства) и характера надстройки. Причем все эти компоненты общественной системы должны строго определенным образом «соответствовать» друг другу. Была выстроена и иерархия значимости данных компонентов: производительные силы определяют производственные отношения, а производственные отношения (базис) определяет надстройку¹. Нарушение «соответствия» указанных компонентов общественной системы означает начало социальной революции – перехода от одной формации к другой. В этом, говоря кратко, и состоял формационный подход. Что же касается материалистического понимания общества и диалектики общественного развития, то эти «части» концепции К. Маркса относятся к модели истории.

4. Относительно самостоятельный уровень образует **типология обществ** и иных социокультурных единиц. Но типология общества – это еще не схема истории. Выделение конкретных типов общества занимает как бы промежуточное положение между «подходом» и собственно схемой истории, поскольку она трансформируется в схему истории, когда мы упорядочиваем выделенные типы хронологически и (или) географически. Однако выделенные социальные типы можно по-разному наложить на историческую хронологию. Как следствие, мы можем быть сторонниками, например, формационного подхода, но выделять другие формации, нежели К. Маркс.

Продолжим иллюстрировать наши идеи на примере марксизма. Напомним, что сам основатель марксизма выделяет три формации: *первичную* (*пер-*

¹ См., например, характерную цитату из письма К. Маркса к П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г, приведенную А. В. Коротаевым [2, с. 32].

вобытную), вторичную (антагонистическую) и коммунистическую. Первобытная формация основана на присваивающем хозяйстве, коллективной собственности и равенстве. Однако это было равенство в несправедливости – человек зависел от природы, а личность была полностью поглощена коллективом. Антагонистическая формация основана на производящем (сначала аграрном, а затем и промышленном) хозяйстве, частной собственности, классовой стратификации и эксплуатации человека человеком. Коммунистическая формация должна быть основана на общественной собственности, социальном и имущественном равенстве людей, отсутствии эксплуатации, свободе и всестороннем развитии личности. Далее, в рамках антагонистической формации выделяются три «подэтапа», каждый из которых основан на определенном способе производства: рабовладельческое общество, феодальное общество, буржуазное общество.

5. **Схема истории** фактически является определенным геохронологическим упорядочиванием тех социокультурных единиц и их типов, которые были выделены при помощи определенного «подхода» и заданы той или иной типологией. Она задает своеобразную систему отсчета, позволяющую определить место каждого исторического события и направленность протекания исторических процессов, подобно тому, как система координат в математике позволяет определить место каждой точки или отрезка.

Под схемой истории, по сути, понимается либо периодизация истории (для линейно-стадиальных концепций), либо историческая хронология цивилизаций (для локально-цивилизационных учений). При периодизации выделенные типы общества зачастую просто располагаются в хронологическом порядке, что приводит к созданию линейно-стадиальной концепции. При цивилизационном подходе первоначально выделяются конкретные общественные организмы (культуры, локальные цивилизации и т.д.), и лишь затем говорится о стадиях, которые проходит каждая из них.

Например, схема истории Гегеля предполагает деление общественного развития на доисторию и собственно историю, а эта последняя делится на три ступени – Восток, Античность, Христианско-германский мир. Схема истории у А. Тойнби, напротив, предполагает деление исторического универсума на некоторое количество локальных цивилизаций, по отношению к каждой из которых (за исключением «неродившихся» и «задержанных» цивилизаций) выделяются фазы возникновения, роста, надлома и разложения.

Хорошо известна схема истории (периодизация), основанная на формационном подходе. Как известно, К. Маркс, основываясь на диалектике Гегеля, предполагал, что любое развитие должно иметь три стадии, каждая из которых должна в свою очередь состоять из трех стадий и т.д. Схема истории К. Маркса, таким образом, состоит из трех этапов: первичная формация – антагонистическая формация – коммунизм, а второй из них (антагонистический) делится еще на три подэтапа. Симптоматично, что советскими учеными эта схема была упрощена. При линейном расположении стадий общественно-го развития получилась знаменитая «пятичленка»: *первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм*.

Конечно, схема истории опирается не только на исторический подход, но и на *интерпретацию* конкретных исторических явлений. Однако интерпретация – это уже не столько само философско-историческое знание, сколько результат его *применения* к конкретному историческому материалу. Вме-

сте с тем интерпретация является «последним» уровнем лишь с позиций общности философских знаний об истории. Если же говорить о последовательности действий в рамках конкретного философско-исторического исследования, то логически интерпретация, разумеется, должна предшествовать типологии обществ и формированию схемы истории, а типология зачастую задается лишь в процессе формирования схемы истории, а не «до» нее. Однако «логическая» последовательность указанных форм философско-исторического знания не является предметом нашего анализа.

2. «Социокультурный подход» П. Сорокина

Проиллюстрируем сказанное на примере философско-исторической и макросоциологической концепции П. Сорокина.

Модель развития П. Сорокина можно охарактеризовать как теорию неупорядоченных циклов. Напомним, что теория упорядоченных циклов предполагает, что фазы циклов повторяются в строго определенной, никогда не нарушаемой последовательности. Такова, например, концепция О. Шпенглера, согласно которой каждая локальная культура проходит в своем развитии одни и те же стадии в строго определенной последовательности: «Всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость» [3, с. 168]. Более того, не только последовательность, но и *длительность* событий является предзаданной. «Каждая культура, каждое начало, каждый подъем и падение, каждая ее необходимая фаза имеют определенную, всегда равную, всегда со значительностью символа возвращающуюся длительность» [3, с. 171–172]. В отличие от этого, П. Сорокин представлял общественное развитие как неупорядоченное, случайное чередование выделенных им типов культуры.

То, что в концепции П. Сорокина принято называть социокультурным подходом, фактически является *объяснительной теорией общества*. Она основана на семиотическом понимании сущности культуры. Если в неживой природе действуют физико-химические закономерности, а в живой природе – и физико-химические, и биологические закономерности, то в обществе, согласно П. Сорокину, присутствует еще и символический компонент, надстраивающийся над физико-химическим и биологическим. Поэтому социокультурная, т.е. собственно человеческая, реальность имеет символическую природу. Философ выделяет три типа символов и, соответственно, три сферы культуры: 1) духовные смыслы и символы, объединенные в системы языка, философии, науки, религии, искусства, этики, права, а также представленные экономическими и социально-политическими теориями, образуют *духовную культуру*; 2) материальные вещи (начиная от первобытных орудий труда и заканчивая сложнейшим оборудованием), в которых духовные смыслы находят внешнее воплощение, составляют *материальную культуру*; 3) совокупность действий, поступков, церемоний, ритуалов, в которых человек или группа людей используют тот или иной набор смыслов, представляет собой *поведенческую культуру*.

Структура социокультуры «имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм,

которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [4, с. 218]. Ученый подчеркивает, что ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других.

Философская методология истории П. Сорокина открывается заявлением, что человечество на каждом этапе своего развития представлено некоторым числом самостоятельных культур (локальных цивилизаций). Но развитие каждой локальной культуры протекает через чередование различных типов (форм) культуры, каждый из которых представляет собой целостность, взаимосвязь различных культурных явлений. В основе каждого типа культуры лежит определенный «основополагающий принцип», выражающий одну, главную ценность, которая пронизывает все культурные явления, относящиеся к данному типу.

Философская методология П. Сорокина плавно перетекает в *типологию* культуры. Ученый выделяет три типа культуры: идеациональной (религиозный), сенситивный (материалистический) и идеалистический (промежуточный). Названные типы культуры выделяются в зависимости от основного принципа, лежащего в их основе. Фактически этот принцип указывает на то, как в данном типе культуры понимается реальность.

В *идеациональной* культуре высшей реальностью считается потусторонний мир – сфера существования Бога, а все сферы такой культуры подчинены религии. Наиболее показательным примером идеациональной культуры является европейское средневековье периода расцвета IX–XII вв., а также греческая культура VIII–VI вв. до н.э.

В *сенситивной* культуре высшей реальностью признается лишь данный в опыте мир – то, что может восприниматься органами чувств и доступно рассудочному познанию. Человек ориентирован на удовлетворение материальных потребностей, а его идеал – личное счастье. Ярким примером материалистической культуры П. Сорокин считает западную цивилизацию XVI–XX вв.

Наконец, в *идеалистической* культуре истинной реальностью считается бесконечное многообразие, объединяющее чувственное и сверхчувственное начала. Люди идеалистической цивилизации стремятся открыть разумный мировой порядок, проявлением которого является и чувственно воспринимаемая реальность. Идеалом человеческой жизни считается не личное счастье, а долг перед обществом. Этому типу культуры соответствует V–IV вв. до н.э. для греческой культуры и позднее европейское средневековье XIII–XIV вв.

Схема истории П. Сорокина не имеет четкости и строгости аналогичных построений К. Маркса или, скажем, О. Шпенглера. Она основана на утверждении, что развитие каждой локальной цивилизации представляет собой *непредзаданное* чередование указанных типов культуры. «Все эти типы: идеациональный, идеалистический и чувственный – обнаруживаются в истории египетской, вавилонской, греко-римской, индуистской, китайской и других культур» [4, с. 431]. Вместе с тем такое чередование не имеет заранее установленных кем-то или чем-то сроков. Полемизируя со О. Шпенглером, мыслитель говорит, что гибель локальной культуры не предрешена заранее. Когда данный тип культуры входит в полосу кризиса, возникает следующая альтернатива: они «или становятся мертвыми и несозидательными, или изменяются в новую форму, которая открывает новые созидательные возможно-

сти и ценности» [4, с. 433]. Все великие цивилизации, отмечает П. Сорокин, не раз переходили от одного типа к другому.

И здесь ученый делает одно важное уточнение своей методологии. Оказывается, что культура на данном отрезке времени все же не является абсолютно интегрированной, а ее отнесение к определенному типу указывает лишь на «доминантную форму интеграции», а не на характер всей культуры в целом. «Основополагающий принцип» обуславливает не абсолютно все культурные формы данного периода, а только доминирующие в данную эпоху. Но рядом с ними существуют и «побочные» (сейчас бы сказали – периферийные) формы, основанные на альтернативных принципах.

Современное состояние западной культуры П. Сорокин квалифицирует как глубокий кризис. Однако он рассматривает этот кризис не как разрушение Западной культуры вообще, а как симптом ее перехода к новому, идеациональному типу. Поэтому данный кризис несет не смерть, а обновление. «Мы живем и действуем, – пишет философ, – в один из поворотных моментов человеческой истории, когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется» [4, с. 431].

3. Синергетика и циклические представления в рамках миросистемного подхода И. Валлерстайна

Миросистемный подход И. Валлерстайна показателен во многих отношениях. В частности, в этой концепции мы сталкиваемся на уровне «модели развития» с нетривиальным синтезом двух теорий – синергетической и циклической.

Напомним, что в качестве единицы анализа ученый рассматривает так называемые «исторические системы». Ученый называет три важнейшие характеристики таких систем: 1) они имеют временные границы, т.е. начало и конец; 2) они имеют определенные пространственные границы, которые, однако, могут меняться во времени; 3) они относительно автономны, т.е. их функционирование определяется действием внутренних процессов [5, с. 198].

Исторические системы отличаются друг от друга «способом производства» (в другом варианте – «типом разделения труда»). По сути, это определенный способ распределения материальных благ, в рамках которого через то или иное разделение труда осуществляется воспроизводство системы в целом. Именно это и является в концепции И. Валлерстайна критерием типологии исторических систем.

Исследователь выделяет три таких «способа производства» и, соответственно, три вида исторических систем: 1) мини-системы, основанные на взаимобмене; 2) мир-империи, основанные на редистрибуции материальных благ аппаратом управления; 3) мир-экономики, основанные на товарно-денежных отношениях. При этом мир-империи и мир-экономики рассматриваются И. Валлерстайном как подвиды класса мир-систем.

По словам И. Валлерстайна, в до-сельскохозяйственную эпоху (вероятно, это значит до неолитической революции) существовало множество мини-систем, которые легко возникали и легко гибли. Но «между 8000 г. до н.э. и 1500 г. н.э.» на планете одновременно сосуществовали все три вида исторических систем. Долгое время мир-экономики проигрывали в конкурентной борьбе мир-империям: они либо поглощались соседними мир-империями, либо сами трансформировались в них. Однако на рубеже XV–XVI вв. в Евро-

пе сформировалась капиталистическая мир-экономика, которая не только выжила, но и подчинила все остальные исторические системы, «втягивая» в себя одну за другой существовавшие тогда мир-империи. В результате, как констатирует ученый, сложилась исторически уникальная ситуация: «К концу девятнадцатого столетия капиталистическая мир-экономика распространилась по всей планете, поглотив все существующие исторические системы. Следовательно, впервые в истории Земли на ней начала существовать одна-единственная историческая система» [5, с. 200].

В работах И. Валлерстайна мы находим несколько положений, которые можно идентифицировать как синергетические [5, с. 201–202; 6, с. 5–9].

1. Исторические системы, как и любые сложные системы, имеют ограниченный срок жизни и существуют лишь до тех пор, пока сохраняют «равновесие» (в синергетике сказали бы «устойчивое неравновесие», «гомеостаз»).

2. В состоянии устойчивости система может отклоняться от оптимального устойчивого состояния лишь в определенных пределах, а значит, необходимость здесь преобладает над свободой воли. Однако рано или поздно любая система «все дальше отклоняется от равновесия» и, достигая точки бифуркации (кризиса), гибнет.

3. Но в точках бифуркации диапазон выбора у субъектов социального действия существенно расширяется, свобода воли начинает преобладать над необходимостью, так как даже незначительные воздействия приводят к масштабным изменениям. Следовательно, результаты кризиса не могут быть определены заранее. Мы не можем знать, будет ли последующая система лучше или хуже предыдущей, придет ли на смену данной системе одна или несколько систем. Вместе с тем именно в такие периоды возрастает значение случайности и человеческой деятельности. Следовательно, прогресс хотя и не неизбежен, но все-таки возможен. За несколько последних тысячелетий, как говорит ученый, мир не стал более нравственным, но он мог стать таким.

Именно эта, по сути, синергетическая модель развития и становится фундаментом представлений И. Валлерстайна о цикличности. Насколько можно понять из контекста его работ, ученый рассматривает циклы как колебания определенных параметров системы вокруг условной точки оптимальной устойчивости. Пока такие колебания не выходят за определенные, «допустимые» пределы, система сохраняет жизнеспособность. Но когда «исторические тенденции приведут ее в точку, где колебания системы станут настолько масштабными и хаотичными, что окажутся несовместимыми с обеспечением жизнеспособности ее институтов» [6, с. 51], система погибнет.

Отсюда вытекает два важных следствия. Во-первых, циклы характеризуют функционирование системы, ее сохранение, а не развитие, которое происходит (может происходить) только в точках бифуркации, при разрушении данной системы и возникновении новой системы (или систем). Во-вторых, «повторяющееся, или циклическое, измеряется именно внутри пространственно-временных границ данной исторической системы» [5, с. 201]. Бессмысленно говорить о циклах, которым бы подчинялось функционирование нескольких систем. *У каждой исторической системы – свои собственные циклы.*

Вместе с тем циклические колебания системы не означают полное отсутствие направленных изменений. Ученый отмечает, что хотя циклы и яв-

ляются проявлением механизма, который обеспечивает воспроизводство «общей модели» данной системы, но они, одновременно с этим, «раскачивают систему в разные стороны, которые можно назвать секулярными трендами». Именно поэтому данная «общая модель» системы рано или поздно будет разрушена (раскачена выше определенного предела). Кроме того, каждый новый цикл приносит хотя и незначительные, но все же заметные структурные изменения, которые и определяют исторические тенденции изменения системы (разумеется, в рамках указанной «общей модели»).

Таким образом, циклы в понимании И. Валлерстайна не мешают направленному развитию данной системы в пределах данного уровня сложности. Однако циклы не относятся к ходу бифуркаций при переходе систем на принципиально иную модель функционирования и не могут помочь нам в предсказании «постбифуркационного» развития исторических систем. В лучшем случае они помогают (предположительно) определить время наступления кризиса системы.

4. Типология и схема истории в концепции Сервиса–Салинза

Относительную взаимную автономию социальной типологии и схемы истории прекрасно иллюстрирует концепция форм организации лидерства и управления в обществе, предложенная Маршаллом Салинзом и Элманом Сервисом, и ее критический анализ, осуществленный впоследствии Хенри Классеном.

К концу 50-х гг. XX в. в культурной антропологии актуальным было противостояние двух концепций эволюции человеческой культуры: концепции универсальной эволюции Лесли Уайта и концепции многолинейной эволюции Джулиана Стюарда. В этих условиях М. Салинз и Э. Сервис выпустили совместную книгу «Эволюция и культура» [7], в которой утверждали, что между позициями Л. Уайта и Д. Стюарда нет непреодолимых противоречий¹.

Для обоснования такой позиции М. Салинз вводит разграничение между «общей» и «специфической» эволюцией [11, р. 12–44]. Общая эволюция, изучаемая на высоком уровне абстракции, рассматривается как эволюция человеческой культуры в целом, в рамках которой *скачкообразно* возникают новые культурные типы (классы культурных форм). Здесь мы наблюдаем рост адаптивности и сложности, повышение уровня организации, а значит, известную однонаправленность. Специфическая эволюция, напротив, описывает конкретные пути развития конкретных культурных форм (по сути, конкретных обществ), которые представляют собой конкретные способы адаптации к специфическим условиям (природной и социальной) среды. Как следствие, «специфическая» эволюция здесь рассматривается всего лишь как механизм осуществления «общей», универсальной эволюции обществ. Общая же эволюция, определяемая как движение культуры по стадиям универсального прогресса, характеризуется следующими параметрами: движением от большей к меньшей трансформации энергии; движением от более низких к более высоким уровням интеграции; движением от меньшей к большей адаптивности.

¹ Об этой концепции см. также: [8, с. 10; 9, с. 156–157; 10, с. 11].

Эту идею прекрасно иллюстрирует предложенная исследователями типология форм организации лидерства и управления в обществе. По существу, выделенные исследователем типы лидерства и управления (типы *политий*, как бы сказали сейчас) представляют собой расположенные в определенной последовательности *стадии*, каждая последующая из которых является «более сложной» и, следовательно, более «прогрессивной», чем предыдущая. Здесь выделяется четыре таких типа [11–13]. Это *локальная группа* (бэнд, *local band*) охотников и собирателей с аморфным руководством, несегментированная, члены которой (группы) совместно используют ресурсы. *Племя* (*tribe*) характеризуется появлением различных надлокальных союзов (кланы, общины и т.д.) и отсутствием политической иерархии. Лидерство здесь носит личный характер и возникает лишь для решения конкретных задач. *Вожжество* (*chiefdom*) характеризуются наличием центральных органов, которые координируют социальную, экономическую и культурную жизнь общин. *Государство* (*state*) характеризуется центральной властью, способной проводить свои решения в жизнь, в том числе принудительно.

В настоящее время схема истории Сервиса–Салинза подвергается критике со стороны многих исследователей, в том числе со стороны Хенри Класена. Правда, в свое время Х. Класен сам был поклонником этого подхода. В 1978 г. он (совместно со П. Скальником) выпустил монографию «Раннее государство» [14], в которой было показано, что всем ранним государствам предшествовала политическая организация типа вождества и что, следуя различными путями, они (вождества) неизменно достигали уровня раннего государства.

Казалось бы, это подтверждает правоту подхода Сервиса–Салинза. Однако со временем голландский ученый отыскал в своих рассуждениях серьезный логический изъян. Оказывается, в указанной монографии была прослежена эволюция 21 общества, которые со стадии вождества достигли стадии раннего государства, и это было заведомо известно до начала исследования. Вместе с тем здесь не были проанализированы те общества, которые так и не достигли ступени государства. Говоря языком гносеологии, для эмпирического обоснования таких стадийальных схем привлекались только факты, заведомо подтверждающие их, а факты, которые им противоречили, просто игнорировались [10, с. 12–13].

Описанный эпизод в развитии социального эволюционизма не только иллюстрирует относительную автономность социальной типологии по отношению к схеме истории, но и указывает на опасность, связанную с построением исторической периодизации. Если даже мы выделили определенные типы обществ и существование этих типов подтверждается эмпирически, нам тем не менее следует воздержаться от соблазна расположить их в хронологическом порядке и представить в качестве «стадий» развития человеческого общества вообще. Основной изъян схемы Сервиса–Салинза состоит вовсе не в том, что в ней были выделены несуществующие типы организации управления. Напротив, существование таких видов политики, как бэнд, племя, вождество и государство, не вызывает сомнений и в настоящее время. Однако из этого *не следует*, что развитие общества связано с той или иной последовательностью именно этих типов, что последовательность этих типов должна быть именно такая, какой она описана в данной схеме, что не могут существовать другие типы политики, в этой схеме не представленные.

Вместо заключения

Таким образом, философско-историческую концепцию можно сравнить с *мозаикой*, которая состоит из отдельных фрагментов и составляющих, которые, однако, при правильном расположении образуют целостное и осмысленное изображение. Здесь, в принципе, один элемент может быть удален и заменен другим, при условии сохранения непротиворечивости и осмысленности общей картины. Если же элементы изображения будут расставлены противоречиво, несогласованно, то мы вместо целостной картины получим неупорядоченное изображение, нагромождение случайных представлений – калейдоскоп. Поэтому хотя сочетания элементов и уровней представлений в рамках философско-исторической концепции не могут быть произвольными, но они все же вариативны в определенных пределах.

Список литературы

1. **Назаретян, А. П.** Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование) / А. П. Назаретян. – 2-е изд. – М. : Мир, 2004.
2. **Коротаев, А. В.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) / А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. А. Лынша // Альтернативные пути к цивилизации : кол. моногр. / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. – М. : Логос, 2000.
3. **Шпенглер, О.** Закат Европы / О. Шпенглер ; пер. с нем. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000.
4. **Сорокин, П. А.** Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов ; пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992.
5. **Валлерстайн, И.** Исторические системы как сложные системы / И. Валлерстайн // Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. – 1998. – № 409. – С. 198–203. – (Философия. ХГУ).
6. **Валлерстайн, И.** Конец знакомого мира: Социология XXI века / под ред. В. И. Иноземцева ; пер. с англ. – М. : Логос, 2004. – 368 с.
7. **Sahlins, M. D.** Evolution and Culture / M. D. Sahlins, E. R. Service. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1960.
8. **Будон, Р.** Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Р. Будон ; пер. с фр. М. И. Криченко. – М. : Аспект-пресс, 1998.
9. **Штомпка, П.** Социология социальных изменений / П. Штомпка ; под ред. В. А. Ядова ; пер. с англ. – М. : Аспект-Пресс, 1996.
10. **Классен, Х. Дж. М.** Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х. Дж. М. Классен // Альтернативные пути к цивилизации : кол. моногр. / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. – М. : Логос, 2000.
11. **Sahlins, M. D.** Evolution: Specific and General / M. D. Sahlins // Evolution and Culture I Ed. By M. D. Sahlins, E. R. Service. – Ann Arbor, MI : University of Michigan Press, 1960.
12. **Service, E. R.** Primitive social organization / E. R. Service. – New York : Random House, 1971.
13. **Классен, Х. Дж. М.** Эволюционизм в развитии / Х. Дж. М. Классен // История и современность. – 2005. – № 2. – С. 4–5.
14. **Claessen, H. J. M.** The early state / H. J. M. Claessen, P. Skalnik. – The Hague : Mouton, 1978.

Горюнов Алексей Владимирович
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии, Ульяновский
государственный университет

Goryunov Aleksey Vladimirovich
Candidate of philosophy, associate
professor, sub-department of philosophy,
Ulyanovsk state university

E-mail: algor74@inbox.ru

УДК 101.1:316«312»

Горюнов, А. В.

Архитектоника философско-исторического знания / А. В. Горюнов //
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные
науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 78–89.